

skat **Грань** Time

возможностей!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

АСТОН РИД

Астон Рид

Грань возможностей!

<https://litres.ru/74285222>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марго Фейн видит изнанку человеческих душ. Её «шестое чувство» безошибочно окрашивает чужие эмоции в цвета и запахи: ложь пахнет дегтем, а смертельная угроза горит багровым. После трагической гибели отца она прячется от мира в парижской мастерской, не подозревая, что за каждым её шагом через скрытые камеры наблюдает он.

Кристиан Моро - лучший чистильщик мафиозного синдиката. Безжалостный платиновый гигант, который должен был её ликвидировать, но вместо этого стал её невидимым щитом и маниакальной одержимостью.

Когда Марго находит в картинах отца опасный шифр, открывающий доступ к грязным миллиардам мафии, за ней начинается охота вся верхушка европейского синдиката во главе с безжалостным Дамианом Лораном.

Кристиан готов сжечь весь Париж ради её безопасности. Но враги совершили главную ошибку, посчитав Марго его уязвимостью. Они еще не знают, что хрупкая художница способна стать его самым смертоносным оружием.

Содержание

Глава 1 Марго	4
Глава 2 Марго	9
Глава 3 Марго	13
Глава 4 Кристиан/Марго	18
Глава 5 Дамиан	26
Глава 6 Кристиан	31
Глава 7 Марго	35
Глава 8 Марго	43
Глава 9 Кристиан	51
Глава 10 Кристиан	58

Астон Рид

Грань возможностей!

Глава 1 Марго

Дорогие читатели, все герои достигли и старше восемнадцати лет

Посвящается тем, кто никогда не искал принцев на белом коне.

Для девочек, которые знают: самая надежная безопасность иногда прячется в тени чужого безумия. Пусть ваш личный монстр без колебаний сожжет ради вас весь этот чертов мир.

Париж захлебывался в холодном октябрьском дожде. В мастерской на верхнем этаже старого особняка на Монмартре пахло сырой глиной, дорогим льняным маслом и едва уловимым ароматом горького шоколада.

Марго провела тонкой кистью по холсту, оставляя рва-

ный, темно-бордовый след. У неё был свой дар - или проклятие. То, что другие называли интуицией, для неё было осязаемым физически. Шестое чувство. Марго видела человеческие эмоции как цвета и текстуры. Боль пахла жженой бумагой и выглядела как глубокий ультрамарин. Одержимость колола пальцы, словно битое стекло.

Её собственная жизнь сейчас напоминала холст, залитый черной тушью. После загадочной гибели её отца, известного реставратора, её семья оказалась в долгах перед криминальным синдикатом Парижа. Решение синдиката было простым и жестоким, в лучших традициях темного мира: Марго должна стать женой наследника этой империи, безжалостного и холодного Дамиана. Брак по принуждению, призванный скрепить сделку и навсегда запереть Марго в золотой клетке.

Но самым опасным в этой сделке был не будущий муж.

Самым опасным был человек, который сейчас стоял у дверей её мастерской.

Кристиан. Её личный телохранитель, приставленный синдикатом, чтобы она не сбежала до свадьбы.

Он стоял неподвижно, словно готическая статуя. Черный классический костюм идеально сидел на его широких пле-

чах, но эта дорогая ткань не могла скрыть его истинную натуру - натуру хищника. Из-под манжет его белой рубашки виднелись татуировки, уходящие вверх по шее, а на левой руке красовался грубый, рваный шрам - память о каком-то жестоком прошлом.

Марго украдкой посмотрела на Кристиана. Вокруг него её «шестое чувство» сходило с ума. Его аура не была темной - она была выжженной. Пепельно-серой, ледяной и абсолютно непроницаемой. Он никогда не говорил лишних слов, его лицо оставалось маской, но Марго кожей чувствовала, как его взгляд буквально прожигает её насквозь каждый раз, когда она отворачивалась.

- Ты слишком долго смотришь на холст, Margarita, - его низкий, слегка хриплый голос разрезал тишину мастерской. Из его уст её имя всегда звучало как запретное заклинание. - Тебе нужно отдохнуть. Через три часа ужин с твоим женихом.

При слове «жених» челюсть Кристиана едва заметно сжалась. На его шее дернулась жилка.

- Я не хочу ехать, - тихо сказала Марго, не оборачиваясь. Она провела пальцами по шрамам на раме старинного зеркала, которое реставрировала. - Кристиан... ты ведь знаешь,

что он сделает со мной после свадьбы? Я буду просто его трофеем. Картинкой на стене.

Кристиан сделал шаг вперед. Его шаги были бесшумными, но Марго почувствовала его приближение за секунду до того, как ощутила тепло его тела за своей спиной. От него пахло дорогим парфюмом, дождем и едва заметно - табаком.

- Моя работа - охранять тебя, а не спасать от твоей судьбы, - сухо произнес он, но его дыхание коснулось её макушки.

- Ложь, - Марго резко повернулась к нему, оказавшись в опасной близости. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в его холодные, как грозовое небо, глаза. - Твоя аура... она кричит, Кристиан. Каждый раз, когда Дамиан подходит ко мне, ты выглядишь так, будто готов перерезать ему горло. Кого ты обманываешь? Себя или меня?

Кристиан замер.

Профессиональная маска безупречного телохранителя дала трещину. Его взгляд опустился на её губы, а затем снова поднялся к глазам. Он медленно поднял руку. Его пальцы, покрытые шрамами, зависли в миллиметре от её щеки, не смея коснуться кожи - это было нарушением всех правил, их разрушительной игрой, где на кону стояли их жизни.

- Ты не понимаешь, во что играешь, милая художница, - тихо, почти угрожающе прошептал он. - Если я позволю себе коснуться тебя хотя бы раз... я больше не смогу тебя отпустить. Ни Дамиану, ни этому чертовому синдикату, ни самому дьяволу.

В этот момент Марго поняла. Её шестое чувство не ошиблось. Этот мужчина, скрывающий свои шрамы и тёмное прошлое, уже был одержим ею. И эта запретная, опасная связь между пленницей и её стражем была единственным, что могло либо спасти её от брака, либо полностью уничтожить их обоих.

За окном прогремел гром, осветив мастерскую яркой вспышкой, и в этом секундном свете Марго увидела, как в глазах Кристиана вспыхнуло то самое пламя, которое он так долго пытался потушить.

Глава 2 Марго

Ресторан La Splendeur на Вандомской площади душил своей роскошью. Тяжелые хрустальные люстры, тихая скрипка на фоне и приглушенный полумрак, в котором всё казалось фальшивым.

Марго сидела за угловым столиком, затянута в темно-изумрудное шелковое платье с открытыми плечами. Её «шестое чувство» сегодня работало на пределе возможностей: воздух вокруг казался удушливым, окрашенным в грязный, маслянисто-синий цвет. Этот цвет исходил от её жениха.

Дамиан сидел напротив. Идеальный пробор, безупречные манеры, ледяная улыбка социопата. Он пил коллекционное вино и говорил о дате свадьбы так, словно обсуждал покупку новой яхты.

Но самым сильным источником энергии в этом зале был не Дамиан.

Прямо за спиной Марго, в полушаге от её стула, неподвижно стоял Кристиан. В своем классическом черном костюме он казался частью интерьера, но Марго буквально кожей чувствовала, как от него исходит волна раскаленного, почти физического жара. Его аура была похожа на тлеющие угли - багровая, тяжелая, готовая вспыхнуть от малейшей искры.

- Ты почти ничего не съела, дорогая, - Дамиан лениво покрутил бокал. - Нам нужно, чтобы на свадьбе ты выглядела идеально. Мои партнеры должны завидовать.

Марго заставила себя натянуть вежливую улыбку.

- У меня просто нет аппетита, Дамиан.

- Надеюсь, к нашей первой брачной ночи он у тебя появится, - Дамиан прищурился, и в его глазах блеснуло что-то плотоядное.

За спиной Марго раздался едва слышный, тихий скрип дорогой кожи - это Кристиан так сильно сжал кулаки за спиной, что его кожаные перчатки натянулись до предела. На его шее, прямо над воротником рубашки, вздулась вена. Он смотрел в затылок Дамиана взглядом, которым целятся в мишень перед выстрелом. В его голове в этот момент прокручивался десяток способов, как заставить этого ублюдка замолчать навсегда.

Дамиан, не замечая грозы, собиравшейся за его спиной, протянул руку через стол и накрыл ладонь Марго своей. Его пальцы были холодными.

- Твоя кожа такая бледная, - Дамиан скользнул пальцами выше, очерчивая запястье Марго, а затем медленно поднялся к её обнаженному плечу. - Тебе нужно больше бывать на солнце. На моей вилле в Ницце ты быстро загорнешь. Под моим присмотром.

Прикосновение Дамиана отозвалось в Марго мерзкой, липкой тревогой. Её шестое чувство вспыхнуло ядови-

то-красным. Она хотела отстраниться, но знала, что Дамиан не терпит неповиновения при свидетелях.

Кристиан сделал едва заметный шаг вперед. Его дыхание стало тяжелым. В тишине ресторана Марго услышала, как он медленно, сквозь зубы, сделал вдох. Одно его движение - и его рука окажется под пиджаком, где на кобуре покоились пальцы. Он едва сдерживал дикое, первобытное желание схватить Дамиана за руку, которой тот касался его женщины, и сломать её в трех местах.

Марго уловила эту волну ярости Кристиана. Ей показалось, что воздух вокруг них сейчас взорвется от напряжения. Чтобы предотвратить катастрофу, она слегка повернула голову вбок, ловя отражение Кристиана в темном зеркальном стекле колонны.

Их взгляды встретились в отражении.

«Пожалуйста, не надо», - умоляли её глаза.

«Я убью его», - обещали его потемневшие, почти черные от гнева зрачки.

Дамиан, увлеченный своим превосходством, убрал руку от её плеча и потянулся к бокалу.

- Кристиан, - высокомерно бросил он, даже не оборачиваясь к телохранителю. - Позови сомелье. Вино недостаточно охлаждено. И делай это быстрее, ты сегодня двигаешься как сонная муха.

Марго замерла. Она видела в отражении, как Кристиан медленно наклонил голову набок. Секунда. Две. Натянутая

струна между ними звенела так сильно, что, казалось, хрусталь на люстрах вот-вот треснет.

- Слушаюсь, сэр, - прозвучал низкий, пугающе спокойный голос Кристиана.

Он сделал шаг назад, уходя в тень, но перед этим его пальцы на долю секунды, как бы случайно, коснулись обнаженной лопатки Марго. Это прикосновение было горячим, собственническим и дарило такое дикое чувство безопасности, что Марго впервые за вечер смогла сделать глубокий вдох.

Кристиан ушел выполнять поручение, оставив за собой шлейф невидимой, но абсолютной клятвы: Дамиан никогда не прикоснется к ней на их брачной постели. Потому что Кристиан позаботится о том, чтобы этот брак никогда не состоялся. Даже если для этого ему придется сжечь весь Париж.

Глава 3 Марго

Три месяца назад

Июль в Париже должен был пахнуть цветущими липами и разогретым на солнце асфальтом, но для Марго он пах только сырой землей с кладбища Пер-Лашез и ледяным, сковывающим страхом.

Прошло ровно три дня со дня похорон её отца. Старинный особняк на Монмартре, некогда полный смеха, запаха лака для картин и тепла, превратился в склеп. Марго сидела на полу в своей мастерской, обхватив колени руками. Вокруг царил хаос: перевернутые холсты, разбитые подрамники и грязные кисти. Но хуже всего было то, что творилось у неё перед глазами.

Её шестое чувство, обычно помогавшее ей в реставрации, сейчас буквально сходило с ума. Комнату заполнял густой, удушливый туман пепельно-серого цвета - цвет её собственного безграничного горя. Он оседал на плечах тяжелым грузом, не давая сделать даже вдох.

Вдруг внизу раздался тяжелый стук входной двери. На первом этаже послышались грубые голоса людей Дамиана. Кредиторы её отца пришли забрать то, что принадлежало им по праву долга. Марго сжалась, зажмурилась. Она знала, что её ждет. Брак с Дамианом был решенным делом, ценой за выживание её матери.

Шаги приближались к мастерской. Медленные, тяжелые, уверенные.

Дверь скрипнула, открываясь. Марго не подняла головы, готовясь увидеть очередного безжалостного громилу с аурой ядовито-красного цвета - цвета агрессии и дешевой жестокости.

Но воздух в комнате внезапно изменился. Он стал холодным и чистым, словно перед грозой.

Марго медленно открыла глаза и замерла.

На пороге стоял мужчина, которого она никогда раньше не видела. Он был огромен. Его плечи почти перекрывали дверной проем, а черный классический костюм сидел на нем так безупречно, словно был его второй кожей. На его шее виднелись темные узоры татуировок, поднимавшиеся к самой челюсти, а левую сторону лица пересекал тонкий, едва заметный шрам, делавший его суровые черты лица почти пугающими.

Но больше всего Марго поразила его аура.

Вокруг него не было кричащего красного. Его энергия была плотной, тяжелой, как ночной океан, и имела глубокий, почти черный антрацитовый оттенок. Но внутри этого мрака, у самого его сердца, Марго отчетливо увидела тонкую, пульсирующую золотую нить. Это был цвет абсолютного, железного самоконтроля и скрытой силы.

Мужчина посмотрел на нее. Его глаза, холодные и серые, как грозовое небо Парижа, скользнули по её бледной коже,

заплаканным глазам и задрожавшим плечам. На долю секунды золотая нить в его ауре вспыхнула ярче, окрасив антрацитовый туман вокруг него в теплый янтарный цвет. Это была мимолетная, глубокая вспышка... сочувствия. И скрытой, мгновенно вспыхнувшей защиты.

- Ты Марго? - его голос, низкий и бархатистый, заставил её вздрогнуть.

- Да, - едва слышно выдохнула она, отступая на шаг назад и упираясь спиной в мольберт. - Вы пришли забрать картины?

Мужчина сделал шаг в комнату. Он двигался плавно и бесшумно, как хищник на охоте.

- Меня зовут Кристиан, - произнес он, не сводя с неё пристального взгляда. - С этого дня я твой личный телохранитель. Моя задача - следить за тем, чтобы ты была в безопасности. И чтобы ты не сбежала до дня свадьбы с месье Дамианом.

Марго горько усмехнулась.

- Телохранитель? Или тюремщик?

Кристиан остановился в двух шагах от неё.

Он был так близко, что она чувствовала его запах - дорогой табак, кедр и капли дождя.

- Называй это как хочешь, маленькая художница, - сухо ответил он. - Но теперь я - твоя тень. Куда бы ты ни пошла, что бы ты ни делала - я буду рядом.

Марго попыталась подняться с пола, чтобы показать свою

гордость, но силы окончательно покинули её. Три дня без сна и еды дали о себе знать. Голова резко закружилась, пол ушел из-под ног, и она начала падать назад, прямо на острый угол деревянного подрамника.

Она приготовилась к удару, но его не последовало.

Кристиан оказался рядом мгновенно, словно преодолел расстояние между ними за долю секунды. Его сильные, покрытые татуировками руки перехватили её за талию, прижимая к своей широкой, твердой, как каменная стена, груди.

Это было их первое прикосновение.

В ту же секунду шестое чувство Марго взорвалось миллионами искр. Пепельно-серый туман её горя в её глазах мгновенно рассеялся, вытесненный его мощной, укутывающей защитной энергией глубокого золотого цвета. Она почувствовала, как под этой ледяной маской сурового наемника скрывается бушующий океан. И в этом океане теперь было только одно - непреодолимое, вспыхнувшее за секунду желание спрятать её от всего мира.

Кристиан держал её крепко, но удивительно бережно. Его дыхание коснулось её виска. Марго посмотрела вверх, встречаясь с его потемневшими глазами. В них больше не было холода. Там была растерянность человека, который только что понял, что его жизнь больше никогда не будет прежней.

- Я держу тебя, - тихо, почти хрипло прошептал он, и его пальцы чуть сильнее сжались на её талии. - Слышишь? Я держу.

В тот день, три месяца назад, среди разрушенной мастерской и осколков её прошлой жизни, Марго впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности. Она еще не знала, что её «тюремщик» уже принял решение. Она еще не знала, что этот опасный, покрытый шрамами мужчина только что молча поклялся стереть Дамиана в порошок, лишь бы эти хрупкие плечи больше никогда не дрожали от страха.

Это было началом их разрушительной игры. И началом его абсолютной одержимости.

Глава 4 Кристиан/Марго

Дождь хлестал по лобовому стеклу «Мерседеса», превращая огни ночного Парижа в размытые кроваво-красные пятна. Кожаная оплетка руля скрипела под моими пальцами. Я сжимал её так сильно, что костяшки побелели, а старые шрамы на тыльной стороне ладони натянулись и заныли.

Мой контроль не просто трещал по швам. Он был уничтожен.

Последние три часа в ресторане стали для меня персональным кругом ада. Стоять за её спиной. Видеть, как этот подонок Дамиан усаживает её, как лениво скользит взглядом по её открытым плечам, по изумрудному шелку платья, которое я сам выбрал для неё. Блядский контракт, блядский синдикат. Если бы не обещание, которое я дал её матери, и не необходимость разыграть эту карту до конца, Дамиан не пережил бы этот ужин. Он не дожил бы даже до закусок.

Но когда он протянул свою мерзкую ладонь и коснулся её плеча...

В этот момент я перестал дышать. Моя рука сама легла на рукоять пистолета под пиджаком. Я уже просчитал траекто-

рию: один выстрел в затылок Дамиана, два - в его охрану у входа, затем схватить Марго и уйти через черный ход. Мне потребовалось усилие всей моей воли - всё золото моего хваленного самоконтроля, - чтобы не спустить курок.

А теперь она сидела рядом на пассажирском сиденье. Тихая, хрупкая, пахнувшая лавандой и дождем. Этот запах заполнял салон, медленно, по капле вытесняя из моих легких запах яда и чужого виски.

- Ты едва не выдал нас, - её тихий голос разрезал полумрак салона. - Дамиан не глуп. Он мог заметить.

Я резко вывернул руль, сворачивая в глухой, неосвещенный переулок возле её дома. Тормоза взвизгнули, машина замерла, но я не заглушил двигатель. Внутри меня всё еще ревел мотор, требуя крови.

Я медленно повернулся к ней. Мой взгляд упал на её шею, на бледную кожу плеча. Туда, где остались невидимые отпечатки пальцев Дамиана. Сама мысль о том, что этот ублюдок прикасался к ней, вызывала во мне физическую тошноту и дикую, первобытную ярость.

- Мне плевать на Дамиана, - мой собственный голос показался мне чужим - слишком низким, сиплым, похожим на

рык зверя, которого слишком долго держали на цепи. - Мне плевать на его синдикат. Но когда этот ублюдок трогает тебя... когда он говорит о твоём теле так, словно имеет на него право...

Я подался вперед, сокращая расстояние между нами. Пространство машины внезапно стало слишком тесным. Я видел, как расширились её зрачки, как она судорожно вздохнула. Она видела меня насквозь. Своим чертовым «шестым чувством» она читала каждую мою грязную, темную мысль. И она не убегала.

- Я едва сдерживаюсь, чтобы не свернуть ему шею прямо на глазах у его охраны, Margarita.

Она потянулась к ручке двери - инстинкт самосохранения все-таки сработал. Но я не мог позволить ей уйти. Не сейчас, когда я был на грани безумия.

Я перехватил её запястье. Моя огромная, покрытая шрамами и татуировками ладонь легко обхватила её тонкую руку. Я держал крепко, обозначая свои границы, но следил за тем, чтобы не причинить ей боли. Она была слишком хрупкой. Моя маленькая, нежная художница в этом жестоком мире, куда я сам её втянул.

- Не уходи, - выдохнул я, чувствуя, как внутри всё горит.
- Посмотри на меня. Своим этим чувством... посмотри. Что ты видишь?

Я хотел, чтобы она увидела мою одержимость. Хотел, чтобы она поняла: пути назад нет. Я больше не её защитник. Я её персональный капкан.

- Ты сгораешь изнутри, - прошептала она, и её свободная ладонь робко легла мне на грудь. Прямо туда, где под ребрами ломался мой внутренний стержень. - И ты хочешь сжечь меня вместе с собой.

- Да, - я не собирался лгать. Только не ей. - Я хочу этого больше всего на свете.

Я поднял свободную руку и коснулся её щеки. Мой большой палец лег на её бледную кожу - прямо туда, куда Дамиан прижался своими губами на прощание. Я провел пальцем с грубым нажимом, стирая, выжигая чужой след. Моя кожа должна быть единственным, что она чувствует. Мой запах должен быть единственным, что она помнит.

- Больше никто и никогда не прикоснется к тебе, - прошептал я ей в самые губы, чувствуя, как её дыхание смешивается с моим. - Я уничтожу любого, кто попытается. Даже

если этим кем-то окажусь я сам.

В её глазах отражался страх, смешанный с чистым, первобытным желанием. Она не оттолкнула меня. И в этот момент я понял, что пропал окончательно. Я заберу её у Дамиана. Я заберу её у всего мира. Даже если мне придется сжечь этот чертов Париж до основания, она будет моей.

МАРГО

Его большой палец с силой давил на мою щеку, и эта грубая, мозолистая кожа ощущалась горячее любого пламени. Кристиан выжигал след Дамиана. Стирал его физически, грубо, собственнически, не оставляя от чужого прикосновения даже воспоминания.

Моё шестое чувство больше не просто шептало - оно кричало. В замкнутом пространстве машины весь мир сузился до его тяжелого дыхания и бушующего шторма красок, который я видела прямо перед собой. Антрацитовый туман его ауры - обычно холодный, собранный в безупречную броню - теперь метался, как разъяренное пламя. В нем плавилась багровые всполохи опасного, темного желания, а золотые нити его самоконтроля рвались одна за другой прямо у меня на глазах.

Кристиан был на грани. И я была той, кто столкнул его туда.

- Кристиан... - выдохнула я, и это имя на моих губах прозвучало как капитуляция.

Моя ладонь по-прежнему лежала на его груди. Под тонкими слоями ткани я чувствовала, как сумасшедше, рвано бьется его сердце. Этот безупречный, непобедимый солдат, который держал в страхе половину Парижа, сейчас дрожал от одного моего вдоха.

- Я знаю, - прошептала я, глядя в его потемневшие, почти черные глаза. - Я вижу всё. Твою ярость, твою боль... и то, как сильно ты хочешь меня забрать.

Он глухо зарычал. Это был звук раненого хищника, который слишком долго голодал. Его пальцы на моем запястье сжались чуть сильнее, но золотая нить его ауры мгновенно окутала мою руку, следя за тем, чтобы мне не было больно. Даже теряя рассудок от гнева, он оберегал меня.

- Тогда почему ты не бежишь, Margarita? - его дыхание обжигало мои губы. - Я ведь предупреждал тебя. Я не твой спаситель. Я монстр, который заперет тебя в другой клетке. В моей клетке.

- Потому что в твоей клетке мне впервые не страшно, - ответила я, и это была чистая, обнаженная правда.

Дамиан пах пеплом, холодом и увяданием. Кристиан пах грозой, силой и жизнью. Если мне суждено было сгореть в этой войне синдикатов, я хотела сгореть в его огне.

Кристиан замер. Мои слова выбили последние крохи его хваленой дисциплины.

В следующую секунду он преодолел те несчастные миллиметры, что разделяли нас, и прижался своими губами к моему.

Это не было мягким поцелуем. Это было падение в бездну. Грубое, отчаянное, голодное прикосновение, от которого у меня перехватило дыхание. Он целовал меня так, словно пытался забрать мою душу, выпить меня до капли, чтобы я навсегда стала частью его самого. Его свободная рука скользнула мне на затылок, пальцы запутались в моих волосах, фиксируя мою голову, не давая ни единого шанса отстраниться.

Но я и не хотела.

Я ответила на поцелуй с той же дикой, накопленной за месяцы страхом страстью. Мои пальцы впились в его плечи, сжимая дорожную ткань пиджака, пытаясь притянуть его еще ближе. В моих глазах всё вспыхнуло ослепительным, чистым золотом - цветом абсолютной, сумасшедшей безопасности и всепоглощающей любви.

Когда он наконец отстранился, мы оба тяжело дышали. Его лоб уперся в мой. Кристиан смотрел на меня так, словно я была его личным проклятием, от которого он никогда не захочет излечиться.

- Теперь ты моя, Марго, - прохрипел он, и его большой палец нежно очертил мою нижнюю, припухшую от поцелуя губу. - Слышишь? Что бы ни случилось дальше. Клянусь, Дамиан не доживет до вашей свадьбы.

Я закрыла глаза, прижимаясь к его горячей ладони на моей щеке. Дождь барабанил по крыше машины, скрывая нас от всего мира, и я впервые за три месяца знала: пока Кристиан держит меня, меня никто не сможет сломать.

Глава 5 Дамиан

Заднее сиденье моего «Майбаха» пахло дорогой кожей, амброй и моим любимым выдержанным коньяком. За тонированными стеклами плыл серый, размытый дождем Париж - город, который рано или поздно весь будет принадлежать мне. Как и девчонка, которую я только что оставил у ресторана.

Марго.

Я сделал глоток из бокала, чувствуя, как приятное тепло разливается по горлу. Она была великолепна в этом изумрудном шелке. Настоящее произведение искусства. Её покойный отец умел реставрировать старые шедевры, но его лучшим творением определено была дочь. Тонкие ключицы, бледная, почти прозрачная кожа, которая так красиво контрастировала с темными волосами, и этот её вечно испуганный, но упрямый взгляд.

Она ненавидит меня. Я чувствую это физически каждый раз, когда сажусь напротив неё. Её тошнит от моих прикосновений.

И бог свидетель, это заводит меня сильнее любого кокаи-

на.

Смирные женщины скучны. Мне быстро надоедает их покорность. Но Марго... в ней есть стержень. Она думает, что приносит себя в жертву ради спасения своей матери и остатков их жалкого семейного имени. Она думает, что у неё есть выбор. Глупая, наивная маленькая художница. Когда кольцо окажется на её пальце, я запру её в своей галерее в Ницце. Я сломаю этот её стержень, медленно, миллиметр за миллиметром, пока она не начнет умолять меня о каждом ласковом слове.

Но сегодня на ужине меня раздражало другое.

Я не привык, чтобы в моем присутствии воздух становился настолько тяжелым, что его трудно было вдыхать.

Я вспомнил тот момент, когда протянул руку и коснулся её обнаженного плеча. Марго вздрогнула - предсказуемо и сладко. Но в ту же секунду у меня за спиной будто изменилось атмосферное давление. Как перед ударом молнии.

Я не оборачивался, но знал, кто там стоит.

Кристиан.

Этот ублюдок был лучшим наемником синдиката. Молчаливая, безжалостная машина для убийств с выжженными эмоциями и шрамом на пол-лица. Мне рекомендовали его как идеального цепного пса, который не задает вопросов и безупречно выполняет приказы. И три месяца он вел себя именно так - серой тенью следовал за Марго, охраняя мой будущий трофей.

Но сегодня... сегодня этот пес на долю секунды натянул поводок.

Когда я велел ему позвать сомелье, Кристиан ответил не сразу. Это была пауза длиной всего в пару секунд, но для человека его уровня подготовки такая задержка равна предательству. Я кожей почувствовал, как этот гигант за моей спиной напрягся, словно дикий зверь перед прыжком. Его дыхание стало тяжелым, и в зеркальном отражении колонны я успел заметить, как его пальцы под пиджаком, там, где должна быть кобура, сжались так, что ткань натянулась на широких плечах.

Он смотрел на меня. Точнее, он смотрел на мою руку, которая лежала на плече Марго.

И в этом взгляде не было профессионального безразличия. Там была чистая, концентрированная ярость.

Я лениво усмехнулся своим мыслям, глядя, как капли дождя стекают по стеклу машины. Неужели наш ледяной солдат увлекся девчонкой? Неужели эта хрупкая художница умудрилась растопить мозги профессиональному убийце?

Если это так, то Кристиан совершил самую большую ошибку в своей блядской жизни.

Я не делюсь своими игрушками.

И я очень не люблю, когда мои слуги начинают заглядываться на то, что принадлежит мне по праву.

- Жан, - позвал я водителя через перегородку.

- Да, месье Дамиан?

- Свяжись с ребятами из службы безопасности. Пусть усилят наблюдение за квартирой Марго. Установите дополнительные жучки и камеры, о которых не будет знать её личный телохранитель.

- Будет сделано, месье.

Я откинулся на кожаное сиденье и закрыл глаза. Если

Кристиан действительно решил поиграть в спасителя, я с удовольствием посмотрю на его попытки. Но как только я получу доказательства его... неформального интереса к моей невесте, я уничтожу его. Медленно и публично, чтобы весь синдикат помнил, что бывает с теми, кто берет чужое.

А Марго... Марго будет смотреть на это. И это станет её первым уроком послушания.

Глава 6 Кристиан

Дождь стирал свет фонарей в длинные мокрые полосы, и город казался растянутым, как старый холст. Я ехал медленно, потому что спешка давала другим шанс - шанс ошибиться, шанс навредить ей. За моим правым плечом, в полусумраке, Марго дышала тяжело, почти слышно. Её дыхание - теперь мой ритм. От него я иду на дно, и от него же найду повод бороться дальше. Три месяца - это ничто и всё. За три месяца у меня сжался мир до этой пары квадратных метров: её комната, её мастерская, её запах. За три месяца я видел, как у неё ломаются руки от усталости, как глаза теряют блеск, как голос становится короче. И я видел то, что не должно было видеть: как другие ставят на неё метки, как её жизнь пытаются распилить по счетам. Я принял решение тогда, в мастерской, как мародер принимает решение взять золото - не красть, а защищать. Это не героизм, не подвиг. Это долг и закономерность моего древа: ты защищаешь того, кому пообещал защиту, даже если ты для него монстр. В голове у меня играют фрагменты из других жизней - детство в лодочной, запах машинного масла, первая кровь на руке после падения на кирпич, тренировки, когда кожа стягивалась от холода, когда учился дышать сквозь боль. Я считал, что эти уроки выстраивали меня. Их хватило на то, чтобы понять: красивая жизнь никогда не даётся бесплатно. За ней

стоят ставки, ставки идут на то, кто готов уметь жестоко выбирать.Сегодня я видел, как этот выбор проявился во всем - в звонком смехе Дамиана, в его манере разглядывать жену, как предмет, в его уверенности, что мир - его место для игр. Я видел, как он входит в комнату, и во мне что-то щёлкнуло, как в заевшей игрушке. Не было плана, не было расчёта - было только животное сопротивление. А потом был ресторан: его рука на её плече, его взгляд, который пах серостью. И мой кулак, который считал секунды до выстрела и не нашёл в себе силы нажать.Сдержанность - это тоже инструмент. Я умею ждать. Я умею делать так, чтобы следующий акт не был импульсом, а точным ударом. У меня свой метод уничтожения: не кровью, а лишением свободы того, кто считает себя свободным. Ломать не ради боли, а ради порядка. Я знаю, как человек распадается, когда лишают того, что он считает вечным. И я применю это, если потребуется.Я помнил, как впервые взял её на руки в мастерской - тот чувак, который смотрел на мир как на объект для оценки, вдруг оказался человеком, у которого в груди бьётся чтото хрупкое и живое. Я помню, как запах её волос сменил на вкус моего дня все остальные запахи. И я помню слово, которое сорвалось с моих губ: «Держу». Это слово стало якорем. С тех пор я держу. Держу её тело, когда она падает; держу её тишину, когда в голове шумят чужие голоса; держу её покой, даже если для этого придётся стать тем, с кем она могла бы раз и навсегда порвать.Иногда я думаю о грани. Где проходит она между

защитой и собственничеством? Я пересекаю её. Я знаю это; я чувствую это в каждом сжатии кулака, в каждом ночном обходе её квартиры, в каждой лампочке, что светит в её окне. Но лучше я буду её тенью - чем её пеплом в чужих руках. Лучшее оправдание - её жизнь, и если этот мир просит за неё цену, я заплачу её собственной свободой. Мы подъехали к дому. Я видел, как она смотрела в окно, как будто вспоминая последний свет зари, прежде чем его съел туман. Я помог ей выйти, её нога слегка подкашивалась, и в этот момент я понял: я не могу больше притворяться, что я просто охранник. Я уже давно не тот человек, который со стороны считает жизнь чистой и структурированной. Я - тот, кто готов на все, чтобы её не украли. Её дверь закрылась за нами тихо. На ступенях я отставил сумку, за которой скрывалось то, что мне теперь нужнее всего - не оружие, но обещания. Я провёл ключом по замку, как по сценарию, и в голове промелькнула мысль - не для планов, а для того, чтобы напомнить себе: у неё должен быть дом, пусть и небольшой, где никто не войдёт без моего ведома. Она шла впереди, в своей зоне, в мастерской, где цвета пахли правдой. Я смотрел на свет, падавший на её плечо, и понимал: за этим светом - весь мой мир. И если кто-то посмеет потушить его - я стану пожаром. Я зашёл в комнату, став на пороге, и долго смотрел на неё, когда она снимала мокрый плащ и встряхивала волосы. Тогда, тихо, без лишних слов, словно проговорив клятву, я произнёс:- Спи спокойно. Она повернулась, взгляд её был

усталым, но мягким, и в губах застряла улыбка, как ранний цветок. Ответ был не словом, а тем, как она закрыла глаза. В этот миг я понял: моя война не с миром и не с Дамианом. Моя война - за право быть тем человеком, который хранит её покой, даже если для этого придётся стать тем, кого боятся.

Глава 7 Марго

Спустя четыре месяца

Парижский дождь за четыре месяца ничуть не изменился. Он всё так же серой акварелью размывал очертания домов за панорамным окном моей новой мансарды. Но внутри моей мастерской пахло иначе. Больше не было удушливого запаха страха, паники и дешевых роз Дамиана.

Теперь здесь пахло терпким маслом, сырым холстом, дорогим деревом и легким, едва уловимым ароматом мужского одеколона с нотами кедра и табака.

Я провела мастихином по холсту, смешивая глубокий черный пигмент с сияющим золотом. Я рисовала его. Снова и снова. Моё шестое чувство уже не нуждалось в том, чтобы Кристиан стоял рядом - его аура въелась в сетчатку моих глаз. Черный антрацит, прошитый жидким, пульсирующим золотом. Мой личный космос. Моя персональная тьма.

Дамиан исчез. Кристиан сдержал свое слово с пугающей, ледяной точностью. Четыре месяца назад, спустя всего неделю после того безумного поцелуя в машине, Дамиан просто не доехал до своего офиса на Вандомской площади. Синдикат быстро перестроился под нового лидера, и имя моего бывшего жениха стерлось из памяти Парижа, словно его никогда и не существовало. Я не спрашивала Кристиана, где Дамиан. Мне не нужны были подробности. Моё шестое чув-

ство знало главное: угрозы больше нет.

Я отложила мастихин и вытерла испачканные краской пальцы о тряпку.

Мой взгляд медленно, осознанно скользнул вверх - к деревянной балке под самым потолком, прямо над моим мольбертом. Там, в тени старой резьбы, едва заметно поблескивал крошечный стеклянный зрачок.

Скрытая камера.

Я узнала о них три недели назад, когда настраивала софиты для ночной работы. Случайно пойманный блик, которого там быть не должно. Нормальная девушка на моем месте испытала бы ужас. Устроила бы скандал, собрала вещи, закричала бы о нарушении личных границ.

Но я была Марго. Девушкой, которая видела изнанку человеческих душ.

Когда я впервые наткнулась взглядом на эту камеру, моё шестое чувство не вспыхнуло ядовито-красным или грязным цветом угрозы. Воздух вокруг объектива остался чистым, теплым, янтарным. Эта камера была не шпионажем. Она была его круглосуточной, безумной, удушающей заботой. Способом Кристиана дышать, когда меня нет рядом. Его гарантией того, что я в безопасности.

Я сделала глубокий вдох. Сердце забилося чаще, разгоняя по венам сладкий, покалывающий адреналин.

Я подошла к мольберту, встала прямо под балкой и подняла голову. Я посмотрела прямо в объектив камеры, зная,

что прямо сейчас, в своем кабинете на другом конце города, Кристиан сидит перед монитором. Смотрит на меня. Ловит каждый мой вздох.

Медленно, не сводя глаз с объектива, я подняла руку и коснулась своих губ кончиками пальцев, испачканных в золотой краске. Я оставила на нижней губе золотой след, бросая ему немой, дерзкий вызов через километры проводов.

«Я знаю, Кристиан. Я всё знаю».

Не прошло и десяти минут.

Внизу, на лестнице, раздались тяжелые, стремительные шаги. Дверь моей мастерской распахнулась с такой силой, что задрожали подрамники у стен.

На пороге стоял он. Мокрый от дождя, без пиджака, в одной белой рубашке, которая липла к его широким плечам. Его волосы были взъерошены, дыхание - рваным, а серые глаза горели тем самым диким, неконтролируемым пламенем, которое я научилась читать без ошибок.

Его аура сейчас буквально взрывалась багровым золотом, заполняя всё пространство мансарды.

Он захлопнул дверь за спиной и в три широких шага преодолел расстояние между нами. Его огромная ладонь мертвой хваткой легла на мою талию, прижимая меня к своей мокрой груди так сильно, что у меня перехватило дыхание.

- Ты знала, - его голос был хриплым, сорванным, пугающим. Он запрокинул мою голову назад, заставляя смотреть на него. - Как давно, Марго?

- Три недели, - тихо ответила я, не пытаясь вырваться. Мои ладони легли на его мокрые плечи, пальцы запутались в платиновых волосах. - Я знаю про каждую камеру в этой квартире, Кристиан. В спальне, в прихожей, над моей кроватью.

Его челюсть сжалась. Он ждал гнева. Ждал, что я оттолкну его, назову чудовищем. Золотые нити его самоконтроля сейчас натягивались с таким треском, что я видела их сияние физически.

- И ты молчала? - прошептал он, и его пальцы сильнее впились в мою кожу сквозь тонкую ткань домашней футболки. - Ты должна ненавидеть меня за это. Я контролирую каждый твой шаг. Я болен тобой, Марго. Я хочу видеть, как ты спишь, как ты дышишь, как ты рисуешь свои чертовы картины. Я не могу остановиться.

Я улыбнулась. Наверное, это была безумная улыбка, но в его янтарной, укутывающей меня ауре я чувствовала себя самой защищенной женщиной во вселенной.

Я приподнялась на цыпочки, сокращая расстояние между нашими лицами, и прошептала ему прямо в губы:

- Я знаю, мой личный монстр. И мне это нравится.

Кристиан издал низкий, гортанный звук, и в следующую секунду его губы обрушились на мои. Это был поцелуй, в котором плавилась все его четыре месяца сдерживаемой ярости, страха потерять меня и чистой, концентрированной одержимости. Он целовал меня так, словно хотел присвоить

себе каждую мою клетку, окончательно заперев в своей золотой клетке, ключи от которой я только что добровольно выбросила в окно.

Одним резким движением Кристиан смахнул с тяжелого дубового стола эскизы, угольные карандаши и банки с разбавителем. На пол с глухим треском полетел тубик с багровой акриловой краской - он лопнул, расплываясь по паркету яркой лужицей, пугающе похожей на свежую кровь. Но мне было плевать.

Он посадил меня на край стола, вжимаясь своим тяжелым, горячим телом в мои бедра. Его ладони скользнули под футболку, обжигая кожу. Мурашки побежали по телу волной, когда Кристиан одним движением разорвал тонкую ткань моей футболки. Его дыхание обжигало мою шею, пока он целовал меня - грубо, собственнически, кусая губы и оставляя темные отметины на ключицах.

- Ты моя, Марго. Вся, до последнего вздоха, - прохрипел он, и его пальцы, сдерживая сокрушительную силу, впились в мои бедра, разводя их в стороны.

Моё шестое чувство взорвалось ослепительным, плавающим белым золотом. Я выгнулась навстречу его рукам, ласкаясь об его жесткие татуированные предплечья. Когда он вошел в меня - резко, глубоко, заполняя собой каждую мою пустоту, - я задохнулась от острого, болезненно-сладкого удовольствия. Кристиан двигался в бешеном, рваном темпе, полностью подчиняя себе мой ритм. Деревянный стол скри-

пел под нашими телами, а его стоны - низкие, почти животные - смешивались со всхлипами моего экстаза. Он заставлял меня гореть в его огне, стирая все границы, пока мы оба не рухнули в эту бездну окончательно.

Минут через двадцать мы лежали прямо на столе среди разбросанных холстов. Я тяжело дышала, уткнувшись носом в его татуированную шею, пока Кристиан медленно перебирал мои волосы, возвращаясь к своему ледяному, но такому теплому для меня спокойствию.

Я перевела взгляд на потолок, сощурилась и тихо произнесла:

- Кристиан...

- М-м-м? - отозвался он, целуя меня в макушку.

- Та камера у вентиляции. Из неё действительно открывается потрясающий вид на левую ножку моего мольберта. Но тебе не кажется, что если бы ты повернул объектив чуть правее, на диван... ракурс для твоих ночных бдений был бы гораздо более практичным?

Кристиан на секунду замер. Затем он медленно повернул ко мне лицо со своим фирменным, пугающим выражением безжалостного киллера. На полном серьезе, без единой лишней эмоции, он ответил:

- Я скорректирую угол обзора сегодня в шесть утра. И добавлю тепловизор. Чтобы лучше видеть, как ты ворует мои толстовки и спишь без одежды.

Я не выдержала и рассмеялась, запустив в его невозмути-

мое лицо испачканной в краске тряпкой. Он поймал её на лету, даже не моргнув.

Смех оборвался мгновенно.

На полу, среди груды бумаг, глухо и ритмично завибрировал его защищенный телефон. Этот звук мгновенно стер всю нежность из воздуха.

Я увидела, как золотая аура Кристиана в одну секунду покрылась ледяной коркой антрацита. Он потянулся, поднял трубку и включил экран. На его лицо упал мертвенно-синий свет.

Я приподнялась, заглядывая через его плечо, и моё шестое чувство буквально задохнулось. Воздух вокруг телефона пах медью, сырым подвалом и разлагающимся страхом.

На экране было фото. Мужчина, привязанный к железному стулу в каком-то заброшенном ангаре. Его пальцы... точнее то, что от них осталось, были превращены в кровавое месиво.

Под фото была короткая приписка от синдиката:

«Мы нашли крысу, которая сливала твой трафик. Ему сняли кожу с пальцев, одного за другим, перед тем как пулю в затылок. Старик просил передать: следующей будет твоя художница, если ты не вернешься в строй».

Кристиан медленно заблокировал экран. Его лицо превратилось в каменную маску, а серые глаза стали пустыми и страшными. Тот самый Кристиан, который только что нежно целовал мои пальцы, исчез. Передо мной сидел безжалост-

ный палач мафии.

- Они думают, что запугали меня, - тихо, пугающе спокойно произнес он, и я почувствовала, как его аура наливается смертоносным, тяжелым свинцом. - Они забыли, кто научил их проливать кровь.

Глава 8 Марго

Поцелуй был соленым от дождя, горьким от золотой краски на моих губах и обжигающе-горячим. Кристиан целовал меня так, словно пытался выпить весь воздух из моих легких, словно этот момент был его последним шансом выжить в разваливающемся мире.

Мое шестое чувство ослепло от фейерверка красок. Антрацитовый мрак его ауры больше не пытался сдерживать золотые нити - они плавились, смешивались с багровым пламенем его одержимости и окутывали нас обоих плотным, непроницаемым коконом. Воздух вокруг нас вибрировал, заряженный чистым электричеством.

Он резко приподнял меня, и я инстинктивно обхватила его талию ногами. В два шага Кристиан донес меня до массивного деревянного стола, заваленного эскизами и чертежами, и усадил на самый край. Банки с кистями и разбавителем со звоном покатались по полу, но ни один из нас даже не повернул головы.

Когда его губы наконец неохотно отстранились от моих, он не отпустил меня. Кристиан тяжело дышал, уткнувшись лбом в мой лоб, его ладони продолжали сжимать мои бедра так крепко, что под тонкой кожей наверняка останутся темные следы. Его глаза, обычно холодные и расчетливые, сейчас напоминали расплавленный свинец.

- Ты с ума меня сведешь, - хрипло выдохнул он, и его взгляд скользнул по моей нижней губе, на которой смазался золотой пигмент. - Ты должна была испугаться. Должна была проклясть меня.

- Я реставратор, Кристиан, - я тихо рассмеялась, чувствуя, как его бешеное сердце колотит прямо в мою ладонь. - Я всю жизнь работаю со сломанными, ценными и опасными вещами. Я знаю, когда трещина делает вещь только дороже. Твоя одержимость... это не болезнь. Это твоя броня. И теперь она защищает меня.

Я медленно подняла руки, по-прежнему испачканные в золотой краске, и обхватила его лицо. Кристиан вздрогнул, когда мои теплые пальцы коснулись его холодного, мокрого от дождя шрама на щеке. Я провела по нему подушечкой пальца, оставляя тонкий золотой след поверх его старого ранения.

Теперь мы оба были отмечены этим золотом.

- Больше никакого Дамиана. Никакого синдиката между нами, - прошептала я, заглядывая в самую глубину его серых глаз. - Только ты, я... и твои объективы на потолке.

Его аура внезапно успокоилась, переходя из яростного багрового в глубокий, невероятно теплый янтарный цвет. Это был цвет абсолютного, монументального покоя. Кристиан медленно закрыл глаза, прижимаясь щекой к моей ладони, пахнувшей льняным маслом.

- Они не для контроля, Марго, - тихо произнес он, и в его

голосе впервые за все время прозвучала обнаженная, пугающая уязвимость. - Точнее, не только для него. Когда я уезжаю на сделки, когда вокруг меня только грязь, кровь и ублюдки из синдиката... я открываю телефон. И смотрю, как ты тихо спишь здесь. Как ты хмуришься, когда краска ложится не так. Это единственное, что удерживает меня от того, чтобы не превратиться в зверя окончательно. Ты - мой якорь.

Я прижалась своим носом к его носу, вдыхая его запах.

- Тогда смотри, Кристиан. Смотри сколько захочешь. Я никуда не уйду.

Он поднял голову, и на его суровых губах впервые появилась слабая, но безумно красивая улыбка. Кристиан бережно взял мою испачканную руку, поднес ее к своим губам и поцеловал золотой след на моих пальцах.

За панорамным окном мансарды шумел ночной Париж, холодный и безжалостный. Но здесь, в полумраке нашей мастерской, под невидимыми объективами его камер, мы нашли свою собственную, пусть и немного безумную, безопасную гавань. Мы были пойманы в капкан друг друга, и ни один из нас не собирался искать выход.

Дождь за окном затихал, оставляя на стеклах лишь ленивые, тяжелые капли. В мастерской горела всего одна свеча, её тусклый желтый язычок отбрасывал длинные, ломаные тени на холсты.

Я лежала, уткнувшись щекой в его широкую грудь. Мои пальцы медленно, почти невесомо очерчивали рваные, жест-

кие шрамы на его левом предплечье - там, где татуировки прерывались белесыми полосами изуродованной кожи. Кристиан не двигался, но я чувствовала, как его тело напрягалось под моими прикосновениями.

- Откуда они, Кристиан? - тихо спросила я, проведя подушечкой пальца по самому глубокому рубцу. - И этот, на твоём лице... Это ведь не просто следы уличных разборок.

В ту же секунду его янтарная, теплая аура резко сжалась. Воздух вокруг Кристиана стал холодным, как лед, а мое шестое чувство ослепило внезапной вспышкой глубокого, застарелого пепла и едкой, удушливой гари. Это был цвет невыносимой, рвущей на части вины. Цветом крови и дыма.

Он медленно перехватил мою руку, останавливая пальцы, и убрал её со своего предплечья. Его взгляд, устремленный в потолок, остекленел.

- Тебе лучше не знать этого, Марго, - его голос звучал так, словно он заживо хоронил себя. - Некоторые тайны должны оставаться в могилах. Вместе с теми, кто их унес.

- Кристиан, посмотри на меня, - я приподнялась на локте, заглядывая в его потемневшие серые глаза. - Мое чувство... оно задыхается, когда я касаюсь этих шрамов. В них слишком много боли. И эта боль как-то связана со мной. Связана с моим отцом, верно?

Кристиан вздрогнул. На его шее дернулась жила, а пальцы на моей талии сжались так сильно, что мне стало трудно дышать. Он молчал долго, так долго, что тишина в комнате

стала звенеть. А затем он закрыл глаза и сделал тяжелый, судорожный вдох.

- Я должен был убить его, Марго.

Эти слова упали между нами, как лезвие гильотины.

Я замерла, боясь сделать даже вдох. Мое шестое чувство вспыхнуло ядовито-красным от внезапного страха, но я заставила себя остаться на месте. Я не убрала руку с его груди.

- Семь месяцев назад, - тихо, почти безжизненно начал Кристиан, - Дамиан и его отец решили провернуть крупную сделку. Им нужно было легализовать похищенную коллекцию византийского золота и несколько картин эпохи Возрождения. Твой отец был лучшим реставратором в Европе. Они хотели, чтобы он сделал фальшивые экспертные заключения и «подправил» детали, скрывая подлинное происхождение полотен. Но Альберт отказался. Наотрез. Даже под угрозой расправы.

Кристиан медленно открыл глаза, и в них отразилось столько боли, что мне захотелось закрыть лицо руками.

- Синдикат не прощает отказов. Они посчитали его опасным свидетелем. Приказ на ликвидацию отдали мне. Я был их лучшим «чистильщиком». Я должен был прийти в его мастерскую, инсценировать несчастный случай - пожар или сердечный приступ - и уничтожить все улики.

- Но ты... ты не сделал этого? - мой голос сорвался на шепот, сердце бешено колотилось под ребрами.

- Я пришел туда ночью, - Кристиан сжал зубы так, что ску-

лы заострились. - Твой отец сидел у мольбера при свете лампы. Он не спал. Он реставрировал старинную раму и... рисовал твой портрет по памяти. Маленький набросок углем. Я стоял в тени, держа оружие наготове, и наблюдал за ним. Альберт заметил меня. Он не испугался.

Он просто посмотрел на меня своими уставшими глазами и сказал: «Я знаю, зачем ты здесь, парень. Но у меня есть дочь. Если меня не станет, Дамиан уничтожит её. Позволь мне закончить портрет».

Кристиан сглотнул, и его аура окрасилась в глубокий, скорбный черный цвет.

- Я впервые в жизни не смог нажать на курок. Я увидел на его столе твой портрет, Марго. Увидел твои глаза на бумаге... и что-то во мне сломалось. Я решил помочь ему бежать. Я собирался вывести его из города той же ночью. Но Дамиан... этот ублюдок не доверял мне до конца. Он отправил своих людей следом, чтобы они подстраховали меня. Они ворвались в мастерскую, когда мы уже собирались уходить. Началась бойня.

Кристиан поднял левую руку и посмотрел на свои шрамы.

- Эти следы на руках - от разбитого стекла и ножей. Там вспыхнул пожар, загорелся растворитель. Я дрался как безумный, пытаюсь вытащить твоего отца из огня. Шрам на лице - от скользнувшего лезвия одного из наемников Дамиана. Я убил их всех. Всех четырех ублюдков, что пришли туда. Но я не успел... - его голос сорвался, превращаясь в

глухой хрип. - Пуля задела Альберта. Я вынес его на руках в темный переулок, задыхающегося от дыма и истекающего кровью. Он умирал у меня на руках, Марго.

Слеза, горячая и тяжелая, скатилась по щеке Кристиана, исчезая в его платиновых волосах. Это было самым пугающим и интимным, что я когда-либо видела. Этот грозный великан плакал.

- Перед смертью он схватил меня за воротник. Его пальцы были в крови. Он посмотрел на меня и прошептал: «Спаси мою Марго. Не отдавай её Дамиану. Пообещай мне, парень». И я пообещал. Я закрыл ему глаза, забрал твой портрет и вернулся к Дамиану. Я соврал, что Альберт погиб при пожаре, который я сам устроил. И вызвался стать твоим телохранителем, чтобы контролировать тебя для синдиката. Но на самом деле - чтобы выполнить последнюю волю твоего отца. И защитить тебя любой ценой. Даже ценой собственной жизни.

Кристиан замолчал. Его тело обмякло, словно этот рассказ забрал последние силы. Он лежал неподвижно, ожидая моего приговора. Он ждал, что я оттолкну его, прокляну за то, что он был частью того мира, который погубил мою семью.

Его аура вокруг нас стала тонкой, пепельной, готовой раствориться в темноте.

Я медленно поднялась. Мои слезы капали ему на грудь. Я посмотрела на этого мужчину - израненного, несущего на се-

бе груз чужой смерти, добровольно надевшего на себя цепи моего телохранителя из-за обещания, данного моему отцу.

Я не отстранилась. Вместо этого я наклонилась и прижалась губами к шраму на его левой щеке. Мягко, нежно, отдавая ему всё тепло своего сердца.

Затем я опустилась ниже и поцеловала его изуродованные ладони, которыми он вытаскивал моего отца из пламени.

- Марго... - хрипло выдохнул он, и его глаза распахнулись в чистом изумлении.

- Мой отец доверил меня тебе, Кристиан, - прошептала я, стирая слезы с его лица своими пальцами. - Он знал, что делает. Он увидел в тебе то же, что вижу я. Ты не монстр. Ты его последнее спасение. И мое тоже.

В эту секунду пепельный туман вокруг нас окончательно исчез. Его янтарная аура вспыхнула с такой невиданной, ослепительной силой, что мне показалось, будто в мастерской наступил рассвет. Кристиан резко притянул меня к себе, утыкаясь лицом в мою шею, и я почувствовала, как его широкие плечи мелко дрожат.

Он наконец-то отпустил свое прошлое. И теперь он принадлежал мне целиком и полностью.

Глава 9 Кристиан

Ночь - мое самое честное время. Когда город умирает и оставляет после себя только холод и тусклый свет реклам, мне легче слышать, что думает мое тело. Я тогда прямо читаю себя: как дышит сердце, как тянутся жилы по шее, какие рукава в рубашке натянуты от напряжения. В эти часы я делаю одну вещь - проверяю, что она в порядке. Экран в кабинете горел слабым синим свечением. Четыре камеры - спальня, мастерская, прихожая, кухонное окно - менялись по ряду на моем мониторе, как кадры в старом фильме. Я наблюдал за ней издалека уже слишком долго, чтобы не увидеть привычки: как она наливает чай, как прокручивает волосы, как ступает на цыпочки, чтобы дотянуться до полки. Каждая мелочь - ордер на спокойствие. Каждая мелочь - повод не дать этому миру сделать с ней то, что сделал с её отцом. Я проверял логи камер по инерции - время, сессии, адреса. Это ритуал. Ритуал, который убирает хаос и подставляет под него порядок, якорь для рассудка. В списке я знал каждый айпи, каждый вход. И когда в строках появилась одна лишняя запись, моя рука дернулась сама по себе. Не «внеплановый вход» - а «повторное подключение из неизвестного адреса». Телефон в кармане замер. Я медленно скользнул глазами по строкам - шифры, временные метки, путь пакета. Кто-то смотрел наши кадры в девять утра, в шесть вечера и

снова - сегодня ночью. Кто-то смотрел и не стучался. Кто-то смотрел и оставил мне отпечаток, тонкий, как лед на стекле. Я отключил звук, скользнул по комнате босой ногой, растянулся к серверному блоку и выдернул один провод, другой, запаивал взглядом порты. Никто не пролезал внутрь - это важно. Это не физический взлом. Это та самая живущая в проводах и в эфире логика - клон стрима, ретрансляция через прокси, кто-то взял копию и отправил её в неизвестность. Это значит, что кто-то наблюдает нас не через нашу дверь, а через чужую сеть. Классика. Я вернулся к монитору и открыл карту. Там не было адреса, был только мост - ребро, по которому кто-то посылал данные. Я знал, кто умеет так работать: профессионалы, которые не оставляют следов и не трогают физику. Но знал и другое - у каждого из них есть рука, которая дрогнет. У каждого - прошлое, которое может выдать его. Я взял револьвер. Почесал металл, проверил магазин, положил его обратно. Оружие - не панасеа, не ответ на вопрос. Но когда логика крови требует скорости, оно становится языком, который понимает мир синдикатов. Сегодня оружие - запасной вариант. Сегодня я был охотником за информацией. В кармане завибрировал телефон: короткое сообщение, чужой номер, две строки. - Увидел. Смотри внимательнее. - И пусто. Ни подписи, ни эмодзи. Холод. Я знал этот тон. Не крик, не угроза. Удар в шрам. Кто-то говорит, чтобы я обратил взгляд туда, где должен был быть внутренний шрам синдиката. Я долил кофе в чашку, не почувство-

вав вкуса, и вернулся к логам. «Повторное подключение из неизвестного адреса» - это не просто запись. Это карта. За ней - маршрут. Я начал тянуть эту нитку. Прокси, VPN, серверы через третьи страны, зеркала - всё. Но в этой паутине всегда есть один узел, по которому возвращаются. Я нашел его в сумерках: маленькая ломанная точка в сети на окраине города - старый хостинг, которому доверяют те, кто не боится пыли. Оказался он в двух кварталах от мастерской, в здании старого бюро экспедиций, где по вечерам горели лампы и пахивался дешевый табак. Подумать можно многое, но я не думал. Я готовился. Почувствовал её дыхание в своей голове. Она была где-то в мире снов, но в режиме бдительности - и это безопасно. Безопасно до тех пор, пока я держал курс. Я собрал необходимые вещи: телефон, перчатки, холодный нож в кобуре под курткой, пистолет на запасной кобуре. Я проверил двери на замке, убедился, что камеры на месте, выключил одну - ту, что у вентиляции, чтобы не оставить новую дырку. Каждое движение было механическим, и в этом механизме было спасение. Выйдя на улицу, я почувствовал, как город обнимает меня влажным свитером дождя. Дождь - вполне удобный щит. Он смывает запахи, сглаживает шаги. Я шел, не замечая света витрин. В голове крутились только две вещи: обещание отцу и обещание, что я дал себе самому. Когда человек зеркально видел взгляды умирающего - он либо ломается, либо становится железом. Я стал железом. Бюро экспедиций оказалось более тихим, чем я ожидал.

Окно в первом этаже светилось, но внутренность была пустой - прежний владелец давно продал помещение, и в нём сейчас базировались люди, которые умели прятаться. Я подошел к задней двери и почувствовал вибрацию телефона: короткое кадрированное видео, которое кто-то прислал. Мелкий фрагмент трансляции - она в мастерской, рисует, не знает. Рука, которая держит камеру, не брячит привычками наблюдателя. Строго, профессионально. Лицо за камерой было в тени. Но в композиции кадра была деталь, которая выдавала личность: маленький узелок ткани, моток нитки - сигнатура. Я видел одно: этот человек - не из банды Дамиана. Он из другой школы. Тот, кто научился смотреть не через силу, а через порядок. Я сделал еще шаг. И тогда в тишине раздался звук, тонкий и смертельный, как шепот расплавленного металла - дверной звонок впереди. Я прижался спиной к кирпичу и стал ждать. Выслеживать - это искусство, и время - его кисть. Я видел в нём падающие тени людей, носивших на себе запахи чужого пути. Они выходили один за другим, но не заметили меня. Они не искали меня. Они искали трансляторы и людей, что их кормят. Кто-то делал деньги на продажах смысла. Я подошел к окну и заглянул внутрь. Комната была завалена серверами, модемами, трубами из проводов. Тот самый узел, который я искал. На столе - ноутбук, на экране - наша маленькая мансарда, кадр за кадром. Рядом валялась чашка с табаком. И на этой чашке был оттиск - узор, который я видел в другом месте много лет назад: наш

старый наставник. Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Наставник. Человек, который сделал из меня ту машину, что сегодня держит руку на рукояти. Человек, который учил убивать так, что это выглядит как цифры. Человек, который однажды сказал мне: «Чувства - это слабость, храни их под замком». Я понял - если это его рука, то он пришел не за наблюдением. Он пришел за проверкой. За тем, чтобы удостовериться: я остался тем, кто должен быть, или я - изменник, который поцеловал свою слабость и взял клятву у убитого. Вся моя жизнь сейчас зависела от одной секунды. Я открыл дверь без скрипа, вошел в комнату и выключил свет. Серверы шумели, датчики мигали, и я накрыл ноутбук ладонью. - Кто тут? - мой голос был ровным. Я знал, что любую неверную ноту можно сыграть в их пользу, поэтому говорил тихо, но не тихо для них. - Встаньте, медленно. В ответ - смех. Глухой, старый смех, который, казалось, видел больше моих собственных ночей, чем я сам. Фигура в тени поднялась. Лицо его было стариком, глаза - ледяные. Я знал их по фото в памяти так же ясно, как знаю шрамы на своих руках. - Кристиан, - сказал он, и его голос был ровным, знакомым, как старый приговор. - Ты слишком мягок. Я не сказал «кто ты». Я не нуждался в ответах. Я знал, что этот визит - вызов. Тест. Пытка, которую он устроил раньше для многих его учеников. Он хотел посмотреть, насколько далеко я зашел. Пальцы мои сжались. Моя рука легла на холодный металл в кобуре, но я не вытянул оружие. Это было иное испы-

тание. Он остановился в шаге, поднял ладонь так, как будто собирался благословить меня. Его улыбка была бездушной. - Ты думаешь, что охраняешь её? - спросил он, и вся его фраза звучала как обвинение и директива одновременно. - И что за обещания ты дал? Ты помнишь, что значит долг? Долг. Я вспомнил портрет в мастерской Альберта, его последние слова на губах, запах его рук от лака. Я вспомнил обещание, что давал у захваченной лампы - не позволить этому миру прикоснуться к её свету. Я посмотрел на наставника и сказал ровно то, что думал: - Мой долг - защищать её. Даже если для этого я должен стать тем, кого ты учил ненавидеть. Он нахмурился, и в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на гордость и сожаление одновременно. Затем он развернулся и исчез в тени, оставив после себя ту же пустоту, что и всегда - пустоту, заполненную выбором. Я стоял в комнате, где мигающие лампочки ловили отражение моих глаз, и думал о том, сколько еще слоев этой игры осталось впереди. Кто-нибудь подключил к нашей жизни нового зрителя. Кто-то дал наставнику повод появиться. И что важнее - у кого теперь есть способность верифицировать: я твой союзник или предатель? Я вернулся к монитору. Сессия исчезла. Но осталась метка - не адрес, а имя: «Тот, чье лицо я знал». Я знал, что это больше, чем просто взлом. Это предупреждение. И предупреждение значит один из двух: либо хочешь нас запугать, либо сказать мне, что часы моей свободы крошатся под ногами. Я поставил чашку с остывшим кофе, достал неболь-

шой нож и провел лезвием по кончику указательного пальца. Капля крови, маленькая и тихая, упала на ладонь. Я прижал палец к экрану, оставив неявный знак - след. Это было маркером для меня самого: если кто-то попытается играть с её светом, я не позволю им управлять этим миром. Я не верю в судьбу. Я верю в обещания и в то, что тот, кто посягнул на неё, уснет в кошмарах. Я вышел на улицу. Дождь смывал следы, но не принял мои мысли, не стер семь месяцев, не перевел обещания в прах. Я шел тихо, но в моем шаге было предвестие шторма. Кто бы ни был в сети, кто бы ни пришел проверить - он обнаружит, что я не тот, кем был раньше. Я стану тенью, а тень умеет ждать, терпеть и бить в тот момент, когда на тебя положат руку. И если кто-то думает, что видел в меня монстра - пусть посмотрят внимательнее. Монстр любит одну только женщину на свете, и он не умеет делить.

Глава 10 Кристиан

Парижский дождь забивался под воротник куртки, затекал за ремешок часов, но я не чувствовал холода. На моих костяшках горела ссадина - память о быстром, жестком ударе в челюсть одного из шестерок Старика, который попытался преградить мне путь на выходе из бюро.

В голове звенело от пустоты. Той самой стерильной, ледяной пустоты, которая обычно накрывает меня перед зачисткой.

Но сейчас мне было страшно. Впервые в жизни мне было по-настоящему, до дурноты страшно.

Я шел по мокрым переулкам Монмартра, и перед глазами стояло лицо моего наставника. Его безжалостная, выцветшая улыбка. «Ты слишком мягок, Кристиан. Ты помнишь, что значит долг?» Он видел нас. Он взломал мои чертовы серверы не для того, чтобы украсть информацию. Он играл со мной. Наблюдал, как я, лучший киллер синдиката, бережно стираю след Дамиана с плеча девчонки. Как прижимаю её к себе в полумраке машины.

Он нашел мою единственную уязвимость. Клеймо, которое её отец выжег на моем сердце перед смертью.

Я поднялся по старой винтовой лестнице к её мансарде. Мои шаги были тяжелыми, я больше не пытался скрываться. Замок щелкнул, и я толкнул дверь.

В мастерской было темно. Пахло лавандой, мокрым деревом и льняным маслом - запахом, который за четыре месяца стал для меня единственным ориентиром в этом дерьмовом мире. Марго не спала. Она сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, укутанная в мой старый черный свитер. Она выглядела такой маленькой, такой беззащитной среди своих огромных холстов.

При виде неё у меня в груди сжались тиски. Какого черта я притащил эту грязь в её чистый мир?

Она шевельнулась, собираясь спуститься, но я выставил руку вперед, останавливая её.

- Не подходи, Margarita, - мой голос прозвучал как хриплый, надорванный рык. - На мне грязь. И кровь. Не трогай меня сегодня.

Я пах дождем, старым железом и смертью. Я не хотел, чтобы она оскверняла свои ладони, прикасаясь ко мне. Но Марго никогда не слушала моих приказов. Она соскользнула с подоконника и медленно, уверенно пошла ко мне босиком по холодному паркету. В темноте её глаза казались огромными, блестящими от тревоги.

- Кристиан... - тихо позвала она. - Что случилось? Где ты был?

Я прислонился спиной к закрытой двери, чувствуя, как силы покидают меня. Мои руки, которые могли без дрожи удерживать прицел на расстоянии километра, сейчас крупно дрожали.

- Нас нашли, - выдохнул я, заставляя себя произнести эти слова. Каждый звук давался с трудом, словно я глотал битое стекло. - Камеры взломал не Дамиан. И не синдиката шестерки. Это сделал человек, который научил меня убивать. Мой наставник.

Марго замерла в двух шагах от меня. Я видел, как её плечи напряглись. Её чертово шестое чувство наверняка сейчас сходило с ума, окрашивая воздух между нами в цвет паники.

- Он приходил за тобой? - прошептала она.

- Он приходил предупредить, - я медленно опустился на колени прямо у двери, не в силах больше стоять под тяжестью собственной вины. Я обхватил её бедра руками, утыкаясь лицом в мягкую ткань моего свитера на её животе. - Он знает, что я солгал о смерти твоего отца. Знает, что я забрал тебя себе. Он видел нас, Марго. Видел, как я целовал тебя здесь. Как смотрел на тебя, пока ты спала.

Я сжал пальцы на её бедрах, притягивая её ближе, отчаянно, дико, пытаясь буквально спрятать её в себе.

- Тот, кто сделал меня монстром, теперь знает мою единственную слабость. Они ударят по тебе, чтобы сломать меня. Синдикат не оставит нас в покое. Я должен увезти тебя. Прямо сейчас. Ворваться в аэропорт, подделать документы, запереть тебя в глухом бункере на другом конце планеты, где тебя никто не найдет.

Я говорил быстро, рвано, теряя остатки своего хваленного контроля. Паника затапливала разум. Я готов был уничто-

жить любого, но я не мог воевать со всем миром одновременно, когда она была под прицелом.

Марго молчала. А потом она медленно опустилась на колени передо мной.

Её маленькие, теплые ладони легли на мои мокрые щеки. Её прикосновение было таким мягким, что у меня перехватило дыхание. Она заставила меня поднять голову. В полумраке её лицо было спокойным. Никакого страха. Никакой паники. В её ауре, которую я научился угадывать по её взгляду, было только чистое, звенящее золото.

- Кристиан, послушай меня, - её голос был тихим, но в нем звенела сталь. Откуда в этой хрупкой девочке было столько силы? - Я не побегу. И я не позволю тебе прятать меня, как испуганного зверя.

- Ты не понимаешь, на что они способны... - попытался возразить я, но она прижала пальцы к моим губам.

- Я понимаю всё, - прошептала она, наклоняясь так близко, что я почувствовал тепло её кожи. - Мой отец доверил меня тебе не для бегства. Он знал, что ты сильнее их всех. И я это знаю. Твой наставник думает, что нашел твою слабость. Но он ошибся. Я - не твоя слабость, Кристиан. Я - твоя сила.

Она провела ладонью по моей щеке, стирая капли дождя и очерчивая шрам. И в этот момент в моей голове что-то перестроилось.

Паника, которая душила меня последние три часа, мгновенно испарилась. Её место заняла холодная, кристально чи-

стая, смертоносная ярость. Мой страх за неё трансформировался в абсолютную готовность выжечь этот чертов город дотла. Если они думали, что нашли мою уязвимость, они скоро поймут, что создали себе самого опасного врага.

Я медленно перехватил её запястья, убирая её руки от своего лица, и поцеловал её ладони. Мой взгляд, уверен, изменился - в нем больше не было растерянности. Только обещание скорой бойни.

- Пусть приходят, - тихо, на грани слышимости произнес я, и мои губы тронула пугающая, хищная улыбка. - Мы больше не играем по их правилам, Margarita. Если они хотят забрать мой свет... я устрою им вечную тьму.

Я резко притянул её к себе, сминая в объятиях, и зарылся лицом в её волосы. Мы не побежим. Мы останемся здесь, в Париже. И мы заставим каждого ублюдка из синдиката пожалеть о том дне, когда они решили перейти нам дорогу.